

Цзинь Гуаншань усмехнулся:

— Эй, Юй Мэйжэнь, я спрашиваю, а ты ешь, какое тебе дело?

Юй Цзыюань, которая до этого молчала, чтобы не смущать его при хозяйке, теперь, когда та ушла, высказалась напрямую:

— Цзинь Цянь! Если будешь продолжать в том же духе, можешь не приезжать в мой Мэйшань!

Слова были слишком резки. Любой, у кого есть хоть капля гордости, развернулся бы и ушёл, тем более старший сын клана Ланьлин Цзинь. Однако Цзинь Гуаншань лишь рассмеялся:

— Юй Мэйжэнь, те, кто знает, подумают, что тебе это не нравится, а те, кто не знает, решат, что ты ревнуешь. Ха-ха-ха...

Цзян Фэнмянь прервал их:

— Давайте доедим. После нужно садиться на корабль.

В этот момент донёсся звук музыкальных инструментов, всё ближе и ближе. Толпа зашумела, люди бросились к улице. Кто-то крикнул:

— Цветочная повозка из Шисысюань едет!

Цзинь Гуаншань тут же вскочил и пробился сквозь толпу. Чи Хуэй отложила палочки и, взяв за руку Бай Цюсянь, тоже направилась к людям.

Толпа сама расступилась, освободив середину улицы для проезда повозки. Показалась роскошная открытая колесница, украшенная бумажными цветами. Под аркой из цветов сидели две девушки: одна в розовом, другая в зелёном. Девушка в розовом играла на цине, в зелёном — на пипе. Обе были прикрыты лёгкими вуалями, видны были лишь глаза, подобные осенней воде. Сзади стояли ещё две девушки с бамбуковыми корзинами, разбрасывавшие лепестки цветов в обе стороны.

Цветочный дождь кружился в воздухе, девушки были изящны и грациозны, их полупрозрачные одежды струились — зрелище было завораживающим.

Кто-то в толпе сказал:

— Та, что в розовом, — это Мэн Ши? Говорят, она мастерски играет на цине.

Другой ответил:

— Не знаю, я её не видел. Слышал, в Юньпине почти никто не видел её лица. Выходит она всегда под вуалью и в паланкине.

Цзинь Гуаншань усмехнулся, поймал веером лепесток, наложил на него заклинание и сдул.

Вуаль с лица Мэн Ши соскользнула и улетела, подхваченная ветром. Она слегка растерялась. Под вуалью открылось лицо с тонкими чертами и глубокими ямочками на щеках, поразительной красоты. Толпа ахнула в унисон.

Звуки инструментов смолкли, повозка остановилась, девушки, разбрасывавшие лепестки, замерли. Время будто остановилось.

Цзинь Гуаншань, несомненно, выделялся в толпе. Красивое лицо, развевающиеся роскошные одежды, алая точка на лбу — всё говорило о его высоком происхождении. Вуаль полетела прямо к нему. Он ловко поймал её веером и подошёл к Мэн Ши.

Он протянул ей веер, на уголке его губ играла лёгкая, чуть коварная улыбка.

Глаза Мэн Ши, подобные осенней воде, взволнованно заблестели. Она пристально смотрела на него. Наконец она протянула свои изящные, белые как лук пальцы, взяла вуаль и снова надела её.

Повозка тронулась, зазвучала музыка, полетели лепестки. Взгляд Мэн Ши не отрывался от Цзинь Гуаншаня, пока повозка не скрылась за поворотом.

Цзинь Гуаншань лениво помахивал веером, провожая её взглядом.

Часть толпы побежала за повозкой, остальные разошлись. Улица вновь опустела.

Насмотревшись, Чи Хуэй и Бай Цюсянь вернулись к столу. Спокойные Цзян [Фэнмянь], Вэй [Чанцзэ] и Юй Фэйпэн с сестрой уже доели лапшу. Цзинь Гуаншань, помахивая веером, вернулся на своё место.

Юй Цзыюань сказала:

— Господин Цзинь, ну как? Удовлетворил любопытство, увидев лицо красавицы?

Цзинь Гуаншань не ответил. Он продолжал помахивать веером и улыбаться, взгляд его был рассеянным, он всё ещё был погружён в свои мысли.

Цзян Фэнмянь слегка кашлянул:

— Господин Цзинь?

Только тогда Цзинь Гуаншань очнулся. Цзян Фэнмянь сказал:

— Господин Цзинь, доедим и отправимся на корабль.

Цзинь Гуаншань принялся есть лапшу, но, похоже, совершенно не чувствовал её вкуса.

К вечеру они добрались до пристани Лотоса. Цзян Фэнмянь и Вэй Чанцзэ, торопясь домой, почти бежали в Пристань Лотоса. У ворот горели фонари, их уже ждали родители Цзян.

Цзян Фэнмянь и Вэй Чанцзэ бросились к ним:

— Отец! Мать!

— Господин! Госпожа!

Госпожа Цзян с доброй улыбкой сказала:

— Наконец-то вернулись! Фэнмянь, дай посмотреть, как ты вырос. Чанцзэ, спасибо, что присматривал за Фэнмянем в Гусу. А это ваши друзья из Гусу? Проходите, проходите!

Цзян Фэнмянь представил друзей родителям. Цзян Чучжоу видел Цзинь Гуаншаня и Юй Фэйпэна с сестрой на собраниях кланов. Несколько лет назад он также случайно встретил даосского наставника Яньлина и его маленькую ученицу Бай Цюсянь. Только Чи Хуэй он не знал. Цзян Чучжоу поклонился:

— Давно слышал о великом Вольном практике Баошань, но не имел чести встретиться. Сегодня наконец вижу её ученицу, Цзансэ Саньжэнь. Прошу прощения за моё невежество.

Чи Хуэй поспешила ответить на поклон с улыбкой:

— Господин Цзян, не стоит церемониться. Я ещё молода, вы слишком добры.

Юй Цзыюань, обычно гордая и холодная, на этот раз вела себя скромно и почтительно, поклонившись родителям Цзян Фэнмяня. Госпожа Цзян, сияя от счастья, с любовью взяла её за руку и повела в Зал Испытания Мечей.

В Зале Испытания Мечей стоял большой круглый стол. Служанки спешили подавать угощения, Вэй Чанцзэ тоже помогал. Рядом с столом топилась печь, на которой в большом котле что-то кипело. Пар и аппетитный аромат создавали уютную атмосферу. Цзян Фэнмянь, понюхав воздух, воскликнул:

— Суп из лотоса и свиных рёбрышек!

Госпожа Цзян улыбнулась:

— Знаю, что ты его любишь.

Она повернулась к Вэй Чанцзэ:

— Чанцзэ, я же говорила, пусть служанки занимаются этим. Садись, это твои и Фэнмяня друзья, нельзя их обделять.

Вэй Чанцзэ ответил:

— Хорошо, госпожа.

Чи Хуэй подумала, что Вэй Чанцзэ всегда выглядел спокойным и уверенным, знал свою меру. Господин Цзян и его супруга относились к нему хорошо, не как к чужому. Но всё же... как бы он ни был близок с Цзян Фэнмянем, как бы тот ни считал его братом, он не был родным сыном. Он был слугой. Вэй Чанцзэ держался прекрасно, и это было непросто.

Стиль гостеприимства в Юньмэне действительно отличался от других мест. Хозяева и гости сидели за одним столом, мужчины и женщины вместе, за большим круглым столом — тепло и по-домашнему. Госпожа Цзян усадила Юй Цзыюань рядом с собой, разговаривая с ней с материнской нежностью. Юй Цзыюань, вопреки своему обычному нраву, была удивительно кроткой и послушной. Если госпожа Цзян относилась к Юй Цзыюань с теплотой и заботой, то к Чи Хуэй и Бай Цюсянь она была вежлива и почтительна. Чи Хуэй подумала, что проблема, вероятно, в ней самой — её статус был слишком высок. Вольному практику Баошань было за сто тридцать. Как им следовало обращаться к её ученице? Ха-ха.

Наблюдая, как они тепло общаются, расспрашивая друг друга о здоровье родителей и родных, Чи Хуэй не могла вставить ни слова и погрузилась в свои мысли.

Здесь всё так отличалось от семьи Лань. Говоря о семье Лань... как там поживает Лань Цижэнь? Иногда, покинув их дом, она вспоминала его: его глаза, полные слёз, когда он говорил: «Помоги мне это взять»; как он насильно обменялся с ней шнурком для меча; как он держал её за рукав, не желая отпускать, но всё же отпустил. Лань Цижэнь, я в долгу перед тобой, но в этой жизни не смогу его вернуть.

Вэй Чанцзэ, сидевший рядом, тихо окликнул её:

— Госпожа Чи, о чём задумались? Давайте, попробуйте суп.

Он поставил перед ней пиалу с горячим супом из лотоса и свиных рёбрышек.

— Я очень люблю суп госпожи Цзян. В нём есть что-то... материнское.

Материнское? Чи Хуэй не знала, что это такое. Говорили, у Вэй Чанцзэ тоже не было родителей. Откуда же тогда это чувство? Возможно, это была искренняя забота. Возможно, она растила его с детства, давая ему почти такое же отношение, как родному сыну. Чи Хуэй, живя в горах, не могла сказать, что учитель плохо к ней относился. Но ощущение родного человека она испытывала только рядом с пятым братом, даосским наставником Яньлином.

Цзян Чучжоу спросил о делах даосского наставника Яньлина, ведь его младшая сестра по учению и ученица были здесь. Чи Хуэй вкратце рассказала о произошедшем, а затем,

смущаясь, добавила:

— Господин Цзян, прошу прощения, что ваш сын подвергся опасности.

Цзян Чучжоу ответил:

— Госпожа, не стоит. Разве мы могли остаться в стороне от дел наставника? Окажись я там, поступил бы так же. Но клан Вэнь становится всё наглее. Говорят, они вербуют необычных людей по всему свету. В Юньмэне тоже видели их последователей.

Он повернулся к Юй Фэйпэну:

— А как дела в Мэйшане?

Юй Фэйпэн ответил:

— Я ещё не вернулся домой, поэтому не знаю.

Цзян Чучжоу сказал:

— Что ж. Раз вы договорились отправиться в Мэйшань на охоту, я не буду вас задерживать. Возвращайтесь поскорее, чтобы господин Юй и госпожа не волновались. Через три месяца в Юньмэне состоится ежегодное собрание кланов, и мы снова встретимся.

<http://bllate.org/book/15280/1348933>